

«Всем детям ровесница», «Агния Барто радуется», «Агния Барто огорчается», «Агния Барто высмеивает», — названия которых вряд ли нуждаются в комментариях. Акцент на эмоциональной направленности творчества позволяет вести разговор прежде всего о том, что наиболее близко юным читателям: о чувствах, рождающихся стихами А. Барто.

Книжка Вл. Разумневича — одна из первых в серии «Советские писатели — детям», которую начало выпускать издательство «Книга». Дело хорошее и, главное, очень нужное. В наши дни, когда значение «великой державы» детской литературы стремительно растет в масштабах всей планеты, к делам этой державы, весьма важным для нашего будущего, нужно привлекать как можно больше людей — и родителей, и самих юных читателей.

Но именно поэтому важно, чтобы в трудном деле издания литературоведческих книг для детей и родителей накапливалася опыт, учтивались успехи и не повторялись просчеты. А последние есть и в книжке Вл. Разумневича.

Вряд ли следовало, например, разговор о поэтическом мастерстве А. Барто выносить в отдельную небольшую главку под конец книжки. На мой взгляд, мастерство нужно было демонстрировать (именно демонстрировать!) анализом того или иного стихотворения, обнажая истинную, диалектическую связь содержания и формы в произведении.

Хотелось бы больше узнать о характере писательницы, о ее привычках, увидеть ее в семье, в общении с юными читателями, в кругу друзей такой, какова она в повседневной жизни, — обаятельной, необыкновенно трудолюбивой, неутомимо деятельной женщиной: матерью и бабушкой. Ведь для настоящего художника, каким является А. Барто, быть и твор-

чество — лишь разные проявления единой сути.

И последнее: в книжке говорится только об Агнии Барто, исключительно о ней. Я понимаю: книжка небольшая, а сказать нужно так много! И все же значение поэта, его место в литературе лучше всего может быть уяснено, когда его творчество рассматривается не изолированно, а включено в общий литературный процесс.

И. МОТЯШОВ

В. Тендряков.
ВЕСЕННИЕ ПЕРЕВЕРТЫШИ.
«Новый мир», 1973, № 1.

«Дюшка Тягунов знал, что такое хорошо, что такое плохо, потому что прожил на свете уже тридцать лет. Хорошо — учиться на пятерки, хорошо — слушаться старших, хорошо — каждое утро делать зарядку... Учился он так себе, старши не всегда слушался, зарядку не делал, конечно, не примерный человек — где уж! — однако таких много, себя не стыдился, а мир кругом был прост и понятен. Но вот произошло странное. Как-то вдруг, ни с того ни с сего. И ясный устойчивый мир стал играть с Дюшкой в перевертывши».

Так начинается повесть В. Тендрякова «Весенние перевертывши», посвященная тем первым мгновениям в жизни подростка, когда он прощается с бездумным мальчишечным существованием и начинает прозревать вокруг себя мир сложный, действительный, во многом еще непонятный. Окружающие его люди как бы приобретают новое обличье. Соседская девчонка Римка Братенева оказывается похожей на Наталью Гончарову, портрет которой Дюшка увидел в книге стихов Пушкина. Санька Ерака, первый силак улицы, предстает жестоким, бессердечным палачом — его люби-

мые игры состоят в том, чтобы мучить и убивать животных и заставлять это делать других ребят, послабее. У тщедушного Миньки Богатова, одноклассника Дюшки, какой-то странный, «не как все», отец — бормочет что-то сам с собой, декламирует стихи, стоя посреди поляны один-одинешенек, а Минька ходит в школу в рваных ботинках. У самого Дюшки отец — инженер, сильный, энергичный и добродушный человек, но всецело поглощен своей работой, и однажды Дюшка слышит грустные слова матери о том, что последний раз отец подарил ей цветы пятнадцать лет назад. А тут еще самый умный, самый способный ученик в школе Лева Гайзер дает Дюшке книгу о бесконечности вселенной и делится своими соображениями насчет бессмертия человека: «Раз наша вселенная нигде не кончается и никогда не кончается, то где-нибудь, когда-нибудь, рано или поздно, но наверняка... случится невероятное — атомы случайно сложатся так, как они лежат во мне».

Вот сколько всего навалилось на Дюшку в эти яркие, весенние, наполненные воробышьим криком дни, и все это требует осмысливания — не Наталья ли Гончарова, по Левкиной теории, снова появилась в Римке Бартеневой! — и не только осмысливания, но подчас и решительного действия. Дюшка вступается за слабосильного Миньку, но наживает себе врача в лице жестокого Саньки Ерака и носит кирпич в портфеле на случай драки с ним — Санька сильнее, но кирпича он побоится, не полезет. Кирпич вываливается со стуком посреди урока и попадает на стол к директору школы, а драка все-таки происходит на большой перемене, решительная и помальчишечи беспощадная. И во время объяснения в кабинете директора теперь уже безответственный Минька вдруг

вступается за Дюшку, объявляет во всеуслышание, что Ерахин угрожал Дюшке ножом... В свое время мы немало прочитали книг о школе, благополучных книг, в которых самым страшным ЧП была двойка, полученная каким-нибудь лентяем и озорником, и весь класс дружно занимался его исправлением, так что к концу книги лентяй становился примерным, если не в успеваемости, то в дисциплине, и вместе со всеми собирали марки и охраняли сады от собственных набегов. В повести В. Тендрякова, как и в жизни, не все оканчивается столь благополучно. Хулиган Ерахин все-таки пустил в ход нож, подстерег и ранил Миньку, и мать Дюшки, врач, отдает Миньке свою кровь и дежурит возле него ночью в больнице. Дюшкун отец с удивлением осознает, что в чем-то его сын более тонок и чуточка, чем он сам, приглашает к себе Минькиного отца, которого до тех пор считал никчемным неудачником и решает ему помочь, приобщив к действительной жизни. Потом он мчится в город, за сто километров и к утру, когда из больницы приходит мать, возвращается с цветами нарциссами, как и пятнадцать лет назад. Дюшкина любовь Римка Бартенева любит, оказывается, не его, а умного и красивого Лева Гайзера, сам же Лева ничего, кроме своих книг, не замечает. И боготворимый, очень уважаемый Левка как-то тускнеет — только ли умом, строгими математическими теориями надо жить? А жальность к слабому, жажде помочь и заступиться и жгучее и тревожное ощущение счастья от того, что впереди по дороге идет девчонка в вязаной шапочке и тесном, выгоревшем коринневом пальто?

Не все, на наш взгляд, разрешается в повести убедительно, некоторое — слишком поспешно, так сказать, «директивно»;

у главного же героя Дюшки Тягунова ничего не разрешается, а все только начинается, но начинается по-человечески хорошо, и, расставаясь с ним, читатель за него спокоен. «Прекрасный мир окружал Дюшку, прекрасный и коварный, любящий играть в перевертыши», — так заканчивает писатель свою повесть, возвращаясь к первоначальному образу, и тут возникает вопрос: а удачен ли этот, к тому же вынесенный в заголовок образ? Не будем обращаться к Далю за точным значением слова «перевертыши», чтобы подтвердить свою мысль, — и без того ясно, что в слове этом содержится понятие чего-то зыбкого, неустойчивого, обманчивого, способного в любой момент перемениться или вовсе исчезнуть. Все же то, что открывает в окружающем мире Дюшка, не призрачно — призрачным, на против, можно считать ясный и простой мир его детства, — а очень реально, действительно, точно, и чем дальше он будет жить на свете, тем реальное будет становиться этот мир, и тем неоспоримее будут добываться им уже сейчас ценности. И, видимо, вследствие этой неточности, зыбкости позиции автора по отношению к своему герою в повести возникают некоторые смешения — не из тех, что придают образу дополнительной прелести, но из тех, что начинают разрушать писательский замысел. Хотя повесть написана и в третьем лице, но написана она явно «через» подростка, и вот иногда сквозь это повествование пробивается снисходительность автора: «Осуждающими глазами смотрит Дюшка на примелькавшуюся улицу и... ощущает к себе неизбывалое уважение. Никто не знает, как велик мир, как мелки люди, он знает, он не такой, как все». Серьезный, научный разговор мальчиков о бессмертии человека выглядит, как обсуждение перво-

классниками, которым не хватает слов, только что увиденного фильма «про шпионов»:

«— Лев-ка-а, разве такое может?..

— Может — не может, надо узнать.

— После смерти чтоб?..

— После смерти.

— Вроде привидения? Да?» и т. д.

Изображение внутреннего мира подростка — дело хотя и не новое в литературе, но по-прежнему очень трудное, и, наверное, таковым и останется, ибо меняются времена, меняется внутренний мир. Не меняется только одно, что в свое время хорошо почувствовал и передал еще Достоевский, а именно: в отношении к себе, к своему внутреннему миру подростки очень взрослые, очень серьезны, и снисходительность и упрощение тут неуместны. Писатели иногда об этом забывают.

Б. ВАСИЛЕВСКИЙ

**Н. Яновский-Максимов.
СЕРДЦУ ДОРОГИЕ ПРИМЕТЫ.
М., «Просвещение», 1972.**

Н. Яновский-Максимов проделал большой труд, чтобы по мелочам и деталям восстановить антураж эпохи, дать достоверное изображение культурной среды XIX столетия. Он знает цену документам и убежден в том, что каждая мелочь становится драгоценной находкой, если речь идет о Крылове, Гоголе, Лермонтове, Аксакове, Тургеневе, Толстом, Шекспире. Действительно, чем бы ни была летописная мелочь — подлинным фактом или легендой, почти всегда сопутствующей славе, она дает нам подчас неизмеримо больше, чем канонизированная биография, иной раз открывая в давно знакомом образе какую-то важную и доселе неизвестную черту. Главную роль в жанре,